

Р.В. СВЕТЛОВ*

Античные истоки рациональной теологии. Опыт исследования в рамках проекта РФФИ

Рациональная теология обладает рядом универсальных характеристик. Именно эти характеристики, а также причины их появления стали предметом изучения исследовательской группы проекта 21-011-44178 «Формирование рациональной теологии в Античности и раннем Средневековье». Публикуемый материал является обобщением опыта работы исследователей прежде всего в контексте специфики возникновения и существования рациональной теологии и её универсалий в греко-римскую эпоху и в эпоху раннего Средневековья. Античная религия была не ортодоксией, но в первую очередь ортопраксией. В результате рационализации верований прояснение смыслов религиозных операций возникало не от лица держателей религиозных практик, жрецов, но благодаря интеллектуалам, в первую очередь – философам. Гераклит и Платон, Аристотель и Плотин полагали себя вполне правомочными носителями религиозной традиции. Именно по этой причине античная философия стала местом формирования рациональной теологии и её универсалий, ряд из которых существует до настоящего момента.

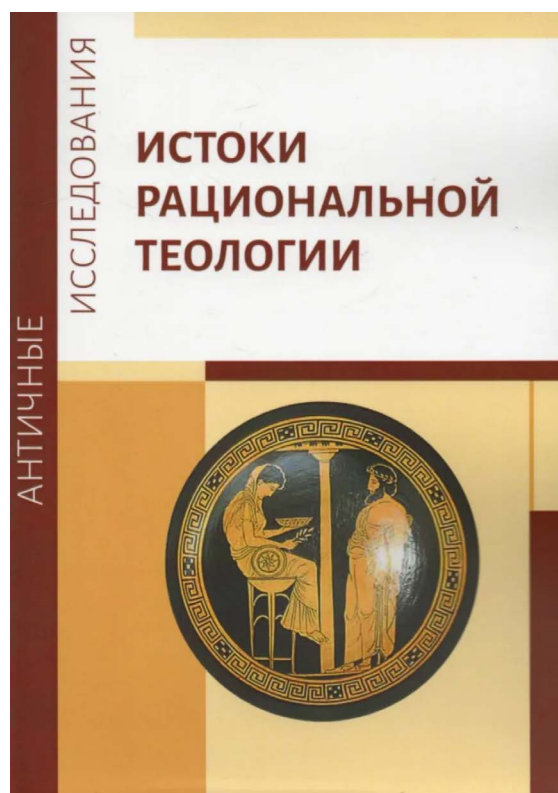
Ключевые слова: рациональная теология, её универсалии, платонизм и неоплатонизм, античная религия

Конкурс РФФИ «Теология» стал хорошей исходной площадкой для исследований в этой достаточно новой для научной номенклатуры России научной области. Исследовательская группа, в которую помимо автора данной статьи входили также Рустам Баевич Галанин, Максим Сергеевич Никулин и Максим Александрович Приходько, обратилась

к историческим истокам рациональных теологических концептов¹ (ил. 1). Очевидно, что с исторической точки зрения значимым для западной и отечественной традиции местом их формирования являются античная философия, а также раннее христианское богословие. Обычно начало мышления о божественном трактуется как формирование философской теоло-

* **Светлов Роман Викторович** — доктор философских наук, заведующий кафедрой богословия и церковной истории института теологии СПбГУ, руководитель проекта «Формирование рациональной теологии в Античности и раннем Средневековье» (21-011-44178).
E-mail: spatha@mail.ru

¹ Итогом работы стала коллективная монография [1].

Ил. 1. Монография
«Истоки рациональной теологии»

гии — т.е. попытки философии осмыслить реальность религиозного опыта и само религиозное учение. Философская теология рассматривается в контексте рациональной как более широкого понятия [2, с. 13–31].

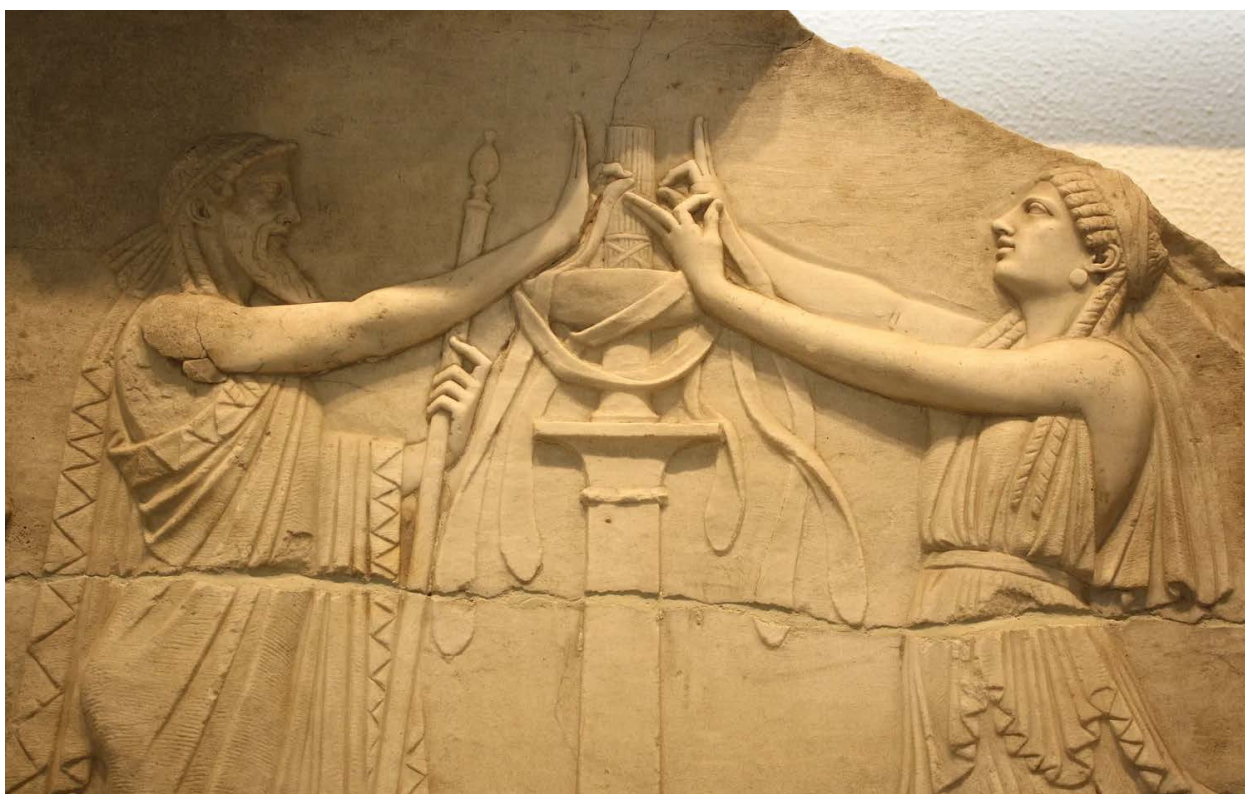
«Держатели смыслов» античной религии

Здесь, правда, возникает существенное затруднение, которое необходимо прояснить. В античном мире интеллектуальные новации в области религии были связаны не с собственно «религиозными специалистами» (жрецами), каковые являлись главным образом хранителями поведенческих (обрядовых) ценностей и сакрального права, а с теми, кто мог указать на какие-то эмпирические проявления божественной воли (ил. 2). Религиозные новации, даже если они диктовались небесами (через сивилл, оракулов), касались не ценностей и смыслов, а конкретных практик и религиозных объектов, и санкционировались общиной. Религия

античных Греции и Рима определялась не догматикой, но конкретными нормами религиозного (и социального) поведения, а также выраженным в поэмах Гесиода и в «Гомеровских гимнах» литературным консенсусом по поводу характеристик наиболее важных божественных персонажей. Непосредственное управление со стороны богов осуществлялось с точки зрения античного человека через оракулов, божественные знаки, неожиданные повороты судьбы и экстраординарные явления. Но всё это касалось уточнения практик, а не смыслов.

Тему смыслов начинают привносить поэты, в первую очередь Гесиод с его проповедью праведной жизни, а также рассказом о богине Правде, благодаря которой Зевс действует справедливо (Hes. Erg. 254–265); отчасти — лирики (ср. песнь Пиндара в честь Ксенофонта Коринфского (Pind. Od. 13)), несомненно — античные драматурги. Но наиболее важную роль в этой рефлексии над смыслами, стоящими за религиозными отправлениями, играли, безусловно, античные философы — начиная с Ксенофана и Гераклита, а быть может, и Анаксимандра [3–5].

Проблема, впрочем, заключается в том, что в структуре греческой и римской религий не было закреплённых «держателей смыслов». Некоторым образом в качестве такового «держателя» выступала сама община, со всем массивом записанного и неписанного права, разнообразных и порой разноречивых представлений о богах, которые управляли её жизнедеятельностью. Она же была и решающим актором взаимодействия с божественной сферой. Обратим внимание, когда Сократ в «Апологии» спрашивает у обвинителей, кто же является настоящим знатоком в деле образования (частью которого было и приучение молодого человека к религиозным нормам), те последовательно говорили о законах, коллективе судей и полисе в целом (Pl. Apol. 24d–25a). Носителем истин религиозного была община, и эти истины в первую очередь были связаны с религиозной практикой.

Ил. 2. Жрец и жрица. Афинский барельеф II в. н.э.

В какой-то степени такими носителями являлись и поэты, особенно эпические («Гомер — учитель Эллады»), лирические, составлявшие дифирамбы в честь богов для религиозных фестивалей, и театральные. Однако античные поэтические «сказы о богах» не обладают необходимой теологической обязательностью, это постоянно меняющиеся вариации на «джазовые стандарты» мифологических сюжетов, к тому же, как правило, связанные с конкретными политическими обстоятельствами.

Отсюда кажущаяся странной для нас довольно длительная индифферентность греков к «вольнодумцам» — от гомеровулителя Ксенофана до Протагора и Крития¹, Анаксагора и Демокрита, а позже, эпикурей-

цев. Преследования софистов, Анаксагора, а также казнь Сократа были вызваны спецификой политической и интеллектуальной обстановки в Афинах «позднего» Перикла и Пелопоннесской войны, а также страхом афинян перед тем, что их дискурс о богах угрожал привычным нормам поведения полиса и формам подкрепления его единства — через культы богов-покровителей общины. Этот «кейс» не применим к другим греческим общинам, да и Афинам «антиинтеллектуализм» был свойственен в течение жизни двух-трёх поколений, не более того.

В античном мире не было теологии в сколь-либо привычном нам смысле этого слова². Теологи в ту эпоху — те, кто говорят о богах, сообщают предания о них, об их

¹ См. об «атеизме» Крития материал Р.В. Галанина [6].

² Разнообразные «теологии», рассматриваемые, например, в сборнике «Теология древнегреческой религии», являют собой описание представлений о судьбе, смерти, происхождении законов, морали и т.д., почерпнутых из античной литературы, которая сама по себе не имела теологического статуса. Эти представления были весьма вариативными «общими местами» античного сознания (во многом «народной теологией»). Терминологически интересно, что платоновский теологический «проект» трактуется в сборнике как «секуляризация» теологии [8, с. 301–316]. Очевидно, что слово «теология» в данной работе используется в максимально широком и амбивалентном смысле. Ср. с позицией участников проекта [9].

деяниях. И это в первую очередь поэты. О них писал Августин: «В тот же период времени существовали поэты, которых называют теологами за то, что они писали стихи о богах, но о богах таких, которые были... людьми, или были стихиями... мира, или же по воле Творца и за свои заслуги облечены были начальствованием и властью» (De Civ. XVIII 14). Если искать какой-то аналог авраамическому Писанию в Античности, то это — сборники оракулов и сакральное право. Но второе касается практических и прагматических сторон жизни, оракулы же — это божье слово по конкретному случаю. А не космология, метафизика и моральная проповедь. Собственно, и греческое понятие «благочестие» — *θεοσεβεία*, как и римское понятие *religio*, предполагало именно scrupulозность в исполнении обязанностей, не ортодоксию, но ортопраксию [7, с. 30–32]. Это касалось всего, в том числе и мистериальных практик, которые зачастую рассматриваются как некий особый аспект античной «духовности». Диоген Лаэртский демонстрирует, что афиняне те же Элевсинские мистерии воспринимали прежде всего в прагматическом смысле: «Афиняне просили его (Диогена Синопского. — Р.С.) принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвящённые ведут в Аиде лучшую жизнь. “Смешно, — сказал Диоген, — если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящён, — обитать на островах блаженных!”» (Diog. De vita. VI.39.; пер. М.Л. Гаспарова).

Вот что пишет о необходимости сохранения «отеческих обычаев» Филипп Опунтский в «Послезаконии»: «Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится производить здесь нововведения и не допустит, чтобы его государство поддерживало новые, ещё неясные культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным оте-

ческими обычаями, так как он ровно ничего не понимает в этих делах, ведь смертной природе невозможно всё это знать» (Epin. 985c-d; пер. А.Н. Егунова).

При этом излишнее внимание к этой области порицалось, примером чему может быть описание «суеверности» в «Характерах» Теофраста. Сказанное не означает, что в античном мире не было людей, ориентированных на «внутреннее» благочестие, однако этот психосоциальный тип, судя по всему, не «культивировался» так, как это будет происходить в первые века нашей эры не только в христианской, но и в языческой среде.

Философская «коррекция» религиозных представлений

Философия возникает в античном мире в качестве той силы, которая критиковала мифические представления о богах, обращала внимание на противоречия между описанием их нрава и поступков у эпических поэтов и нормами гражданской полисной морали. Однако за исключением упомянутых выше «вольнодумцев» большинство античных философов не занимали позиции внешнего по отношению к текущему состоянию полиса рассудка. Они были скорее толкователями наличных религиозных представлений, их «корректорами», возводя их к разумному основанию, которое соответствовало бы их космологии и онтологии. Такая роль «корректора» не опротестовывалась общиной, хотя зачастую становилась предметом публичной иронии у тех же комедиографов. В каком-то смысле Академия, Стоя, Ликей принимали на себя функции, которые в последующем будут дарованы Вселенским Соборам — хотя санкции на это со стороны общины не было. Но не было и запрета на подобный интеллектуальный эксперимент, если его итоги не противоречили принятому укладу жизни¹.

¹ С этой точки зрения эпикурейцы, хотя и утверждавшие, что боги существуют, трактовались как безбожники, ибо их «теология» разрушала представления о необходимости служения богам, т.е. требовала существенного изменения всего социального уклада жизни.

Согласно античным представлениям, вселенная происходит из первоначала (хаоса), которое трактуется не как творящая божественная природа и даже не как источник, по отношению к которому мир является его манифестацией. Хаос не проявляется, он остаётся в подземных глубинах, где заложены страшные и мрачные истоки и исходы всего сущего (Hes. Theod. 735–745). Боги рождаются и развиваются вместе с космосом, являются его элементами, пусть бессмертными и правящими различными аспектами универсума. Философия, которая рассуждает о началах и причинах всего сущего (тех самых «истоках и исходах»), ищет также объяснение фигурам богов. Это совсем иная интеллектуальная и культурная ситуация, чем привычный нам контекст религии откровения: античные боги вписаны в природу настолько очевидно, что, например, физическая аллегореза в их понимании появляется на самой заре интеллектуальной истории (Теаген Регийский). А Гераклит вещает, что «Мир не создал никто из богов и никто из людей...» (Clem. Strom. V, 103, 6).

В итоге философ, который предлагает проект «правильной» теологии, является не учёным, проясняющим какую-то религиозную интеллектуальную традицию, выражённую в Писании, способах его трактовки и догматических положениях (как это происходит в случае философской теологии Томаса Рида, Канта или Вл. Соловьёва), а тем, кто сам формирует эту традицию. И потому плоды его трудов вполне возможно именовать «рациональной теологией»: он воспринимает себя таким же выразителем традиции, как и жрецы, осуществляющие религиозные требы. И куда более адекватным выразителем, чем обыватель.

Обратим внимание на интересный факт. Парменид пишет «Поэму» в подражание

Ил. 3. Платон и Сократ. Средневековая миниатюра

дидактическому эпосу Гесиода (в первую очередь — «Теогонии»), а решающие слова о сущем в ней произносит богиня, давая своему слушателю философское откровение. Современник Парменида Гераклит создаёт своё сочинение «О природе», очевидно, подражая сборникам оракулов. Едва ли это свидетельствует лишь о том факте, что философское сочинение к тому моменту ещё не нашло жанровую «нишу» для своего существования. Здесь ещё и претензия на совершенное знание, в том числе в области божественной.

Отдельного обсуждения достойна специфика представления образа Сократа и его «теологии» в сочинениях Платона [10]. Черты диалектика, ироника, эленхика у него смешаны с очевидными чертами пророка и медиума. Едва ли это — дань определённым условностям времени (ил. 3).

В конце концов Сократ неоднократно обсуждает различные виды божественной мании («Федр» — в отношении прорицания, «Апология» и «Ион» — в контексте поэтического творчества), в «Федре» он сам говорит о вдохновении-указании на произнесение покаянной песни, полученном им (Phaedr. 242b-c). Речь в «Пире» о подлинной природе Эроса и благочестивом учении о нём вкладывается в уста пророчицы Диотимы, Сократ-медиум лишь пересказывает её.

Универсалии античной философской теологии

Отметим, что целый ряд концептов, содержащихся в текстах Платона, оказал формирующее воздействие на античные теологические представления — как «философские», так и утвердившиеся в сознании «рядового» грека или римлянина. Некоторые из них были свойственны именно эпохе языческой Античности. Вот три наиболее характерных. 1. Учение о душепереселении и божественном воздаянии за несправедливость, хотя его истоки мы видим в орфико-пифагорейском движении, получило «каноническое» выражение в текстах Платона. 2. «Астральное» прочтение традиционных богов, которое мы видим во II книге «Государства» и в «Тимее», — нарратив, имеющий прямое отношение к формированию астральной религии как части языческого религиозного комплекса времён эллинизма и поздней Античности. 3. Чётко сформулированное в «Государстве» суждение о том, что небесные боги не покидают соответствующие им места, наложило запрет на представления о божественном кенозисе, что видно по критике христологии у того же Цельса (см. Origen. Contra Celsum. IV.5).

Другие такие концепты стали универсалиями рациональной теологии не только в античном мире, но и в будущем. 1. Прежде всего укажем на «космологический» аргумент, представленный в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта и развёрнуто

изложенный в Платоновских «Законах». 2. На наш взгляд, аргумент от аналогии, который приводится Феофилом Антиохийским в его «Апологии к Автолику», вырастает из дискурса «Алкивиада I» [11]. 3. Толкования на первую и вторую главы книги Бытия, начиная с Филона Александрийского и далее в христианском богословии несут на себе чёткие следы влияния «Тимея» (в том варианте его толкования, когда идеальная парадигма трактуется как замысел демиурга, не как что-то внешнее ему) и аристотелевского учения о причине возникновения «по искусству». Отметим, что они оказываются связаны и с будущей раннесредневековой антропологией [12, 13]. 4. В «Законах» и «Послезаконии» (как и в аристотелевском трактате «О философии») можно увидеть предпосылки двух способов получения знания о божественном: естественного (наблюдение за природой) и «по научению», которые закрепляются в раннехристианской традиции [14, 15].

Некоторые представления Платона о божественном руководстве мирозданием получают неожиданное визуальное выражение. Мы имеем в виду изображение космического универсума в виде сферы, крест-накрест (наподобие буквы «Х»), охваченной мировой душой. Этот образ из «Тимея» (Pl. Tim. 36c) встречается на реверсах монет римской эпохи — вплоть до христианской эпохи [16].

Примеры таких универсалий не ограничиваются Платоном и Аристотелем (сознательно оставляем за скобками необъятную тему аристотелевского Ума-Перводвижителя). Довольно много прибавили стоики — при этом отметим, что аргументы в пользу разумного руководства миром у них вплетены в рассуждения по поводу физической картины мира: теология здесь — часть физики как раздела философии. Та же стоическая физика разрабатывает формы телеологического объяснения мира и концепцию Промысла вопреки эпической и трагической идее судьбы.

Теология и философия в неоплатонизме

Продemonстрированный нами строй античной мысли делает понятным, отчего теология как самостоятельная субдисциплина начинает вычленяться из философии лишь в неоплатонизме. Да и то не противопоставляется философскому курсу, но некоторым образом завершает и венчает его. Недаром Прокл полагает, что подлинный философ является «иереем» всего сущего (Marinus. Procl. 19).

Правда, неоплатонизм возникает и развивается в эпоху отчётливой и активной «конкуренции откровений», когда язычество вынуждено искать иной тип священных текстов, отличающийся от сборников оракулов, тип, который по своей полноте и консистентности мог бы соперничать с еврейской Библией, а также христианским Писанием (с конца III столетия таким же конкурентом становится манихейский канон). Благодаря «Философии из оракулов» Порфирия мы знаем о том, что в эти века богам задавались настоящие теологические вопросы (например, о статусе различных божественных сущностей). Но наиболее показательным является пример «Халдейских оракулов», теософской поэмы второй половины II в. н.э. Этот текст уже претендовал и на метафизические глубины, и на теологическую истину, и на проповедь поведенческих норм, параллельно легитимируя существование магов-теургов (ил. 4). Характерно, что появление и этой поэмы было связано с именем Платона. По словам Михаила Пселла, поклонники данного текста верили, что Юлиан теург смог получить сокровенное знание, поскольку его отец, Юлиан старший (Халдей), свёл его душу с душой Платона, «сообщавшуюся с Аполлоном и Гермесом, и [тот] прозревал эту душу священным искусством, и узнавал от неё всё, что ни пожелает» (Пер. А.В. Гараджи, цит. по: [17, с. 390]).

Античные авторы «тестировали» различные нарративы на возможность отсылки к ним как носителям глубинных истин.

Можно указать на трактат «Об Исиде» Плу-тарха Херонейского и на Нумения из Апа-меи с его представлением о вечных исти-нах, представленных в писаниях и учениях различных народов. В каком-то смысле идеи Нумения (позже Порфирия, Ямвлиха, Юлиана Отступника) — это та же страте-гия, которую использовали и христианские авторы, видевшие в Вергилии, Гераклите, Сократе, Гермесе Трисмегисте языческих пророков о Христе или даже «христиан до Христа».

Несомненно, трактовка текстов Пла-тона как боговдохновенных, а его самого как «божественного» автора — заверше-ние периода поиска Писания в язычестве, правда, произошедшее уже на самом за-кате и в кругах языческих интеллектуалов (Ямвлих Халкидский и поздний неоплато-низм). Неудивительно, что к платоновским диалогам неоплатоники добавляли также «Халдейские оракулы», так называемые «Поэмы» Орфея, и в каком-то смысле — во-обще все канонические античные тексты, особенно Гомера и Гесиода.

Неоплатонизм в целом — уникальное явление, своего рода тип философско-религиозной святости, когда философия понималась не просто как способ разумно-го познания мира, а как тотальная поведен-ческая и интеллектуальная практика (вклю-чающая в себя исполнение своеобразно — теургически — понимаемых религиозных обязанностей), которая должна приводить к постижению высших начал и преобра-зованию (обожению) самого человека. То, что в глазах современного человека вы-глядит как некоторая возгонка интеллекта к парадоксальной возможности суждения о трансцендентном начале (особенно это видно в ряде трактатов Плотина, а также в работе «О началах» Дамаския Диадокха), являлось только видимой нам стороной интеллектуальных и в целом жизненных практик неоплатоников. Для них самих это была деятельность, полностью соот-несённая со специфическим пониманием святости, как и правильного теологиче-ского умозрения. О последнем отчётливо

Ил. 4. Статуя Гекаты, одной из важнейших божественных фигур халдейской теологии – III в. н.э.; Анталья, Турция

пишет Ямвлих в трактате «О египетских мистериях», различая дискурсы, которые описывают сотворённый мир, от дискурсов теологических (Iambl. De Myst. I.3). Частным, но важным примером неоплатонической теологии в этом случае выступает ноология, особенно Платиново учение о мировом уме [18].

Неоплатоники безусловно считали бы себя представителями того явления, которое мы называем рациональной теологией, рассуждающими о религиозной традиции и фундирующие её откровения, которые они безусловно понимали расширительно, включая в него оракулы, платоновские диалоги, Орфея, Гомера и т.д. Такое само-

позиционирование возникает не только из-за постепенно сформировавшейся типологической близости конкурирующих в поздней Античности религиозных культур (иудаизм, христианство, язычество, манихейство). Оно связано со спецификой рационально-теологического дискурса в предшествующие эпохи — классики и эллинизма — и со спецификой самой греко-римской религиозности.

Выводы

В итоге можно обоснованно утверждать, что философско-теологический дискурс в античном мире не сводился к частным философским теологиям, обсуждающим

различные стороны имеющихся религиозных доктрин и форм их апологетики. Он претендовал на то, что сам является ядром теологического знания; и это было связано, как мы показали, со спецификой античной культуры и религиозности. Неудивительно, что ряд универсалий позднейшей рациональной теологии, происхождение которых изучали участники исследовательской группы, возникло именно в античном философском сознании, а в последующем оказалось не только адаптировано представителями христианской интеллектуальной культуры, но и продолжает существовать в современности, в ином интеллектуальном и культурном горизонте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Истоки рациональной теологии. Сер. Античные исследования. СПб., 2023.
2. Шохин В.К. Философская теология: дизайнерские фасеты. М.: ИФ РАН, 2016.
3. Broadie S. Rational theology // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 2006. Pp. 205–224.
4. Lebedev A.V. Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and Philosophical Theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and Others (with Some Remarks on the «Gigantomachia about Being» in Plato's Sophist) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIII: Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2019. С. 651–704.
5. Никулин М.С. Ионийская ноология: рецепция и критика. // Истоки рациональной теологии. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Сер. «Античные исследования» Санкт-Петербург, 2023. С. 11–23.
6. Галанин Р.Б. Религиозные воззрения софиста Крития: рациональная теология или атеизм? // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2022. Т. 16. № 1. С. 113–138.
7. Шайд Дж. Религия римлян / Пер. с фр. О.П. Смирновой. М.: Новое издательство, 2006.
8. Theologies of ancient greek religion / Ed. by E. Eidinow, J. Kindt, R. Osborne. Cambridge University Press, 2016.
9. Светлов Р.В. Теология в горизонте драматургии Платоновских текстов // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. Т. 15. № 2. С. 856–867.
10. Галанин Р.Б. Религия Сократа: боги и демоны // Платоновские исследования. 2023. Т. 18. № 1. С. 11–46.
11. Светлов Р.В. «Алкивиад I» и происхождение «аргумента от аналогии». // Истоки рациональной теологии. Светлов Р.В., Никулин М.С., Галанин Р.Б., Приходько М.А. Сер. «Античные исследования» Санкт-Петербург, 2023. С. 113–121.
12. Светлов Р.В. Рациональная теология: казус Филона Александрийского // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 1. С. 65–74.
13. Prikhodko M.A. The structure of an individual soul and the problem of «two minds» in the theology of Philo of Alexandria // Issues of Theology. 2022. Т. 4. № 2. С. 195–208.

14. Chroust A.H. «Mystical revelation» and «rational theology» in Aristotle's «On philosophy» // Tijdschrift voor Filosofie. 34ste Jaarg. Nr. 3 (September 1972). Pp. 500–512.
15. Приходько М.А. Теория естественного откровения у Иустина Философа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 2. С. 210–221.
16. Latura G. Plato's Visible God: The Cosmic Soul Reflected in the Heavens // Religions 2012. № 3 (3). Pp. 880–886.
17. Гараджа А.В. «Толкование Халдейских оракулов» Михаила Псёлла (перевод и комментарии) // Платоновские исследования. Вып. 21. 2024. № 2. С. 388–417.
18. Никулин М.С. Ноология Плотина как опыт рациональной теологии // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 2. С. 209–221.

Ancient Origins of Rational Theology. Research Experience in the Project of the Russian Foundation for Basic Research

Roman Viktorovich Svetlov — Doctor of Philosophy, Head of the Department of Theology and Church History of the Institute of Theology of St. Petersburg State University, head of the project "Development of Rational Theology in Antiquity and the Early Middle Ages" (21-011-44178).
E-mail: spatha@mail.ru

Rational theology has a number of universal characteristics. These characteristics, as well as the reasons for their emergence, are the subject of study of the research group of the project 21-011-44178 "Development of Rational Theology in Antiquity and the Early Middle Ages". The publication is a generalization of the experience of researchers, primarily in the context of the specifics of the emergence and existence of rational theology and its universals in the Greco-Roman era and in the early Middle Ages. Antique religion was not orthodoxy, but primarily orthopraxy. The rationalization of beliefs resulted in clarifying the meaning of religious practices not on behalf of the holders of such practices, i.e. the priests, but through intellectuals – primarily philosophers.

Keywords: rational theology, its universals, Platonism and Neoplatonism, ancient religion

REFERENCES

1. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Istoki ratsional'noi teologii. Ser. Antichnye issledovaniya. SPb., 2023 (in Russian).
2. Shokhin V.K. Filosofskaya teologiya: dizajnerskie fasety. M.: IF RAN, 2016 (in Russian).
3. Broadie S. Rational theology // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 2006. Pp. 205–224.
4. Lebedev A.V. Idealism (Mentalism) in Early Greek Metaphysics and Philosophical Theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and Others (with Some Remarks on the «Gigantomachia about Being» in Plato's Sophist) // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XXIII: Materialy chtenii, posvyashchyonnykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. SPb., 2019. S. 651–704.

5. Nikulin M.S. Ioniiskaya noologiya: retsepsiya i kritika. // Istoki ratsional'noi teologii. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Ser. «Antichnye issledovaniya» Sankt-Peterburg, 2023. S. 11–23 (in Russian).
6. Galanin R.B. Religioznye vozzreniya sofista Kritiya: ratsional'naya teologiya ili ateizm? // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2022. T. 16. № 1. S. 113–138 (in Russian).
7. Shaid Dzh. Religiya rimlyan / Per. s fr. O.P. Smirnovoi. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006 (in Russian).
8. Theologies of ancient greek religion / Ed. by E. Eidinow, J. Kindt, R. Osborne. Cambridge University Press, 2016.
9. Svetlov R.V. Teologiya v gorizonte dramaturgii Platonovskikh tekstov // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2021. T. 15. № 2. S. 856–867 (in Russian).
10. Galanin R.B. Religiya Sokrata: bogi i demony // Platonovskie issledovaniya. 2023. T. 18. № 1. S. 11–46 (in Russian).
11. Svetlov R.V. «Alkiviad I» i proiskhozhdenie «argumenta ot analogii». // Istoki ratsional'noi teologii. Svetlov R.V., Nikulin M.S., Galanin R.B., Prikhod'ko M.A. Ser. «Antichnye issledovaniya» Sankt-Peterburg, 2023. S. 113–121 (in Russian).
12. Svetlov R.V. Ratsional'naya teologiya: kazus Filona Aleksandriiskogo // Voprosy teologii. 2020. T. 2. № 1. S. 65–74 (in Russian).
13. Prikhodko M.A. The structure of an individual soul and the problem of «two minds» in the theology of Philo of Alexandria // Issues of Theology. 2022. T. 4. № 2. S. 195–208.
14. Chroust A.H. «Mystical revelation» and «rational theology» in Aristotle's «On philosophy» // Tijdschrift voor Filosofie. 34ste Jaarg. Nr. 3 (September 1972). Pp. 500–512.
15. Prikhod'ko M.A. Teoriya estestvennogo otkroveniia u Iustina Filosofa // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2023. T. 24. № 2. S. 210–221 (in Russian).
16. Latura G. Plato's Visible God: The Cosmic Soul Reflected in the Heavens // Religions 2012. № 3 (3). Pp. 880–886.
17. Garadzha A.V. «Tolkovanie Khaldeiskikh orakulov» Mikhaila Psylla (perevod i kommentarii) // Platonovskie issledovaniya. Vyp. 21. 2024. № 2. S. 388–417 (in Russian).
18. Nikulin M.S. Noologiya Plotina kak opyt ratsional'noi teologii // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 2. S. 209–221 (in Russian).